

Память 18 сентября (ст. стиль 05 сентября)

Житие святого пророка Захарии

Святой пророк Захария, священник из потомства Ифамара, сына Ааронова, имел жену Елисавету, которая также была из рода Ааронова и доводилась сестрой Анне, матери Пресвятой Богородицы. Святое Евангелие свидетельствует о Захарии и Елисавете, что они были украшены всеми добродетелями, непорочно проходя свое жизненное поприще. Святой Апостол и Евангелист Лука говорит о них: **"оба они были праведны пред Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно"** (Лк.1:6). Что житие их было действительно благочестиво, о сем свидетельствует также и святая их отрасль, честный и славный пророк, Предтеча и Креститель Господень Иоанн. В Писании сказано: **"по плодам их узнаете их"** (Мф.7:16): плод от доброго дерева действительно не может быть дурным, ибо, как говорит то же Писание: **"если корень свят, то и ветви"** (Рим.11:16). Посему и святая ветвь – Иоанн могла произойти только от святого корня.

Св. Захария, отец Предтечи, священствовал в Иерусалиме в царствование Ирода¹. Он был из дневной чреды Авиевой, то есть из рода Авии, очередь которого приходилась в восьмую седмицу.

О сих чредах повествуется следующее.

Царь Давид, видя, что род Аарона стал очень многочислен, так что не было никакой возможности всем вместе совершать служение в храме, разделил потомков Аарона на двадцать четыре чреды или лика, чтобы они, один за другим, справляя каждый свою седмицу, совершали службы в храме. Во всякой отдельной чреде царь избрал одного честнейшего мужа и сделал его начальником лика, так что каждая чреда имела своего главного священника, в чреде же было более пяти тысяч священников. Для того чтобы не было между главными священниками спора о том, кому из них с своим ликом служить первую седмицу, кому вторую, кому третью и т.д. до двадцать четвертой, они бросили жребий и по жребию сделали распределение, и такой раз установленной очереди они держались до наступления новой благодати, так что потомки каждого священника соблюдали свою очередь по жребию, который выпал их предку. Восьмой жребий выпал священнику Авии (1Пар.24:10), в числе потомков коего был также и святой Захария; поэтому-то он и отправлял в течение восьмой седмицы службу в храме вместе со всей своей чредой, ибо он был главным над остальными священниками своего ряда.

Однажды Захарии, – когда он, соблюдая очередь свою, служил пред Богом, – по обычаю священников, нужно было войти в храм Господень для каждения; было же в то время на молитве множество народа. Войдя во святилище, Захария заметил ангела Господня, стоящего по правую сторону кадильного алтаря. При виде ангела Захарию объял страх; но посланник Божий успокоил его, сказав: "Не бойся, Захария". И утешил он праведного священника, возвестив, что молитва его благоприятна богу; внимая ей, Господь дарует ему милость: Он благословил жену его Елисавету, разрешая несмотря на ее престарелый возраст узы ее неплодства, и она родит сына, тезоименитого благодати Иоанна², который своим рождением принесет радость не только родителям, но и множеству людей: "Многие, – прибавил ангел, – возрадуются рождению его". Возвестил ангел Захария также и о том,

что сын его будет велик пред Господом не телом, но духом; он будет постником и будет вести такую воздержную жизнь, как никто другой; и действительно, таково же о нем было и свидетельство Самого Сына Божия: **"ибо пришел Иоанн Креститель: ни хлеба не ест, ни вина не пьет"** (Лк.7:33). Ангел предсказал, что еще во чреве матери Иоанн исполнится Духа Святого и многих из сыновей израильских обратит к истинному Господу Богу, что он будет Христовым Предтечей в духе и силе пророка Илии³ и приготовит народ к принятию Господа Спасителя.

Услыша всё сие, Захария был удивлен и поражен, так что не решался верить сказанному; странным казалось ему сие потому, что Елисавета была неплодна, и оба они были уже преклонного возраста. И сказал он ангелу:

– Как мне поверить сему: ведь я уже стар, состарилась также и жена моя, которая никогда не имела детей?

Тогда ангел ответил ему:

– Я – Гавриил, предстоящий пред Богом; я послан сказать и благовестить тебе сие. И за то, что не поверил ты моим словам, ты будешь нем и не скажешь ни одного слова до тех пор, пока всё сие исполнится.

Так как Захария в беседе с ангелом замедлил в алтаре, то народ, бывший в церкви, дивился сему. Выйдя к народу, Захария принужден был знаками показывать, что он стал нем; тогда присутствовавшие поняли, что ему в алтаре было видение.

Окончив свою очередь, Захария возвратился в дом свой, находившийся в горной стране, в Хевроне, городе Иудове. Этот город был одним из тех, которые даны были по жребию потомкам Иуды и предназначены для жительства священникам⁴.

Когда исполнилось возвещенное ангелом, и бывшая дотоле неплодной Елисавета родила Иоанна, – имя сие Захария написал на поданной ему дощечке, – отверзлись уста Захарии, язык его разрешился, и он стал говорить, благословляя Бога. Исполнившись Святого Духа, он начал пророчествовать, говоря: **"благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему, и воздвиг рог спасения нам в дому Давида, отрока Своего, как возвестил устами бывших от века святых пророков Своих, что спасет нас от врагов наших и от руки всех ненавидящих нас; сотворит милость с отцами нашими и помянет святой завет Свой, клятву, которою клялся Он Аврааму, отцу нашему, дать нам, необязненно, по избавлении от руки врагов наших, служить Ему в святости и правде пред Ним, во все дни жизни нашей. И ты, младенец, наречешься пророком Всевышнего, ибо предъидешь пред лицом Господа приготовить пути Ему, дать уразуметь народу Его спасение в прощении грехов их, по благоутробному милосердию Бога нашего, которым посетил нас Восток свыше, просветить сидящих во тьме и тени смертной, направить ноги наши на путь мира"** (Лк.1:68-79).

Но вот наступило время, когда родился Господь наш Иисус Христос в Вифлееме, и волхвы, пришедшие с востока по видению чудесной звезды, возвестили Ироду о новорожденном Царе. Тогда Ирод, послав в Вифлеем воинов, чтобы они избили всех детей, приказал умертвить и сына Захарии, о коем много слышал. Ироду известно было всё случившееся во время рождения Иоанна; так как все события, коими сопровождалось рождение Иоанново, вызывали страх и изумление среди окрестных жителей. Все иудеи говорили о сих чудесных событиях; молва дошла и до Ирода. Все слушавшие слагали в сердце своем происшедшее и говорили: **"что будет младенец сей?"** (Лк.1:66). Ирод, вспомнив теперь об Иоанне, подумал: "Не сей ли будет царем иудейским?" Задумав умертвить его, царь отдельно послал в дом Захарии убийц, но посланные не нашли святого Иоанна. Ибо, когда началось безбожное избиение детей в Вифлееме, стоны и вопль были услышаны в Хевроне, городе Иудове, где жили священники, так как он находился на недалеком расстоянии от Вифлеема; скоро узнали в Хевроне конечно и о причине такого вопля. Тогда святая Елисавета, взяв сына своего, отрока Иоанна, коему тогда было уже полтора года – бежала с ним в горы. А святой Захария в то время находился в Иерусалиме,

отправляя обычную службу по порядку чреды своей. Скрываясь в горах, Елисавета со слезами молилась Богу, чтобы Он защитил ее и ее сына. Увидав с горы воинов, кои тщательно разыскивали беглецов и уже были недалеко, она в ужасе возопила к ближайшей каменной горе: "Гора Божия, приими мать с сыном!" Гора тотчас расступилась, заключила их в себе, и таким образом они укрылись от настигавших их убийц. Не найдя тех, кого искали, посланные ни с чем возвратились к царю. Тогда Ирод послал к Захарии в храм приказание, чтобы он отдал ему сына своего Иоанна.

– Я служу ныне Господу Богу Израилеву, – отвечал на сие святой Захария, – и не знаю, где теперь находится сын мой.

Разгневанный Ирод вторично послал к нему и приказал убить самого Захарию, если он не отдаст своего сына. Свирепые убийцы устремились как звери, стараясь немедленно исполнить повеление царя, и с яростью закричали священнику Божию:

– Где скрыл ты своего сына? отдай нам его, ибо так повелел царь; если же не дашь сына своего, то сам погибнешь лютою смертью.

На сие святой Захария отвечал:

– Тело мое вы убьете, а душу мою восприимет Господь.

Тогда убийцы бросились на Захарию и между церковью и алтарем убили его, как повелел им царь; пролившаяся же кровь святого сгустилась на мраморе и отвердела как камень во свидетельство и вечное осуждение Ироду; а Елисавета, хранимая Богом, с своим сыном пребывала в расступившейся горе. Божиим повелением устроилась для них там пещера, открылся источник воды, а над пещерою выросла финиковая пальма, на коей явились плоды в изобилии. Когда мать с сыном хотели есть, дерево склонялось, подавая в пищу плоды свои, а затем снова выпрямлялось.

Спустя сорок дней после убийства Захарии, святая Елисавета, мать Предтечи, преставилась в той пещере, а святой Иоанн был питаем ангелом до совершенного возраста и храним в пустынях до дня явления своего к израильтянам.

Тропарь святому Захарии, глас 4:

Священства одеждою обложен премудре, по закону Божию всесождения приятна священнолепно приносил еси Захарие, и был еси светильник и зритель тайных, знамения в тебе благодати нося явственно всемудре: и мечем убиен быв в храме Божии, Христов пророк с Предтечею моли, спастися душам нашим.

Кондак, глас 3:

Пророк днесь и священник Вышняго, Захария предложи, Предтечев родитель, трапезу своя памяти, верная питая, питье бо правды всем растворив: сего ради скончается, яко божественный таинник Божия благодати.

Кондак святых Елисавете, глас 4:

Яко лука полна, свет правды от мысленного солнца Мессии прияла еси, и во всех заповедех Господних с Захарием ходила еси боговозлюбленная Елисавето: достойными убо ты песнями ублажающе, всещедраго света просвещающего всех Господа величаем.

¹ Ирод, называемый в истории Великим, сын Антипатра, царя иудеев, сначала был правителем Галилеи, но при первом римском императоре Октавие Августе, еще до воцарения его, в 40 г. до Р.Х., получил титул иудейского царя и управлял всей Иудеей, которая тогда была подчинена Римскому государству.

² Слово "Иоанн" с греч. означает "благодать Божия"; (греч. ф-ма [Иоаннес] евр. имени Иоханан, "Яхве милостив").

³ Т.е. с тою же несокрушимою ревностью и нравственным могуществом, с какими некогда действовал великий ревнитель по Боге пророк Илия.

⁴ Ис.Нав.21:13; 1Пар.6:65. Хеврон был одним из древнейших городов земли ханаанской. Он существует и доселе и имеет до десяти тысяч жителей, которые занимаются торговлею, хлебопашеством, разведением фруктовых садов и виноделием. город лежит на тысячу футов выше Иерусалима в глубокой и узкой долине, с обеих сторон окруженной горами, в богато возделанной и плодоносной местности. Все окрестности города

покрыты масличными, гранатовыми, фиговыми, фисташковыми деревьями; особенно же славится Хеврон большими и превосходными виноградниками.

Память святых мучеников Урвана, Феодора и Медимна, и многих с ними

В царствование злочестивого Валента¹, ариане в Царьграде имели великую силу и распространили свою власть, так как царь, ослепленный той же ересью, помогал им. Подняв гонение на православных христиан, они изгнали епископа Евагрия сильно притесняли верующих: одних они били, других ввергали в темницы, у третьих разграбляли имения, словом всячески угнетали их. Сильно скорбя об этом, верующие тайно собравшись решили послать к царю, который тогда находился в Никомидии, просьбу, чтобы он, если нельзя совсем избавить их от ариан, по крайней мере, велел бы ослабить притеснение их, чтобы люди не погибли до конца. Для сего дела они избрали до семидесяти достойных мужей духовного чина. крепких в вере, сильных в слове, отличающихся своим разумом, во главе с Урваном, Феодором и Медимном. Отправившись в путь, они достигли Никомидии и, став перед царем, усердно просили его, чтобы он помиловал их и защитил от рук арианских. Сильно разъярился на них царь, однако не показал вида, что он гневается, но тайно отослал их к епарху² Модесту, приказав ему, чтобы он схватил и предал их смерти. Епарх, схватив их, боялся однако явно пред всеми казнить их и, чтобы не было в народе толков, приказал посадить их всех на корабль и распустил слух, что схваченных отправляют на заточение; а между тем он научил корабельщиков, чтобы они, когда будут посреди моря, сошли в лодку и подожгли бы корабль с семьюдесятью мужами, что те и исполнили: приплыв в Астакийскую пучину, они зажгли корабль со святыми мучениками, спустившись сами заранее в лодку, которая была для того приготовлена, и вернулись к епарху, сообщая ему о кончине тех мужей. Как свеча загорелся корабль и быстро плыл по морю, так как его гнал ветер; охваченное пламенем плывшее судно достигло до места, известного под именем Дакидис; пристав здесь, корабль сгорел до конца, испуская от сгорающих телес святых мучеников дым, подобный кадильному дыму, поднимающемуся к Богу. Так скончались святые, и сбылось на них слово Писания: (Пс.65:12). Сожженные на воде огнем, святые муже сии вселились в небесном покойе³, где, предстоя пред престолом Владыки, молятся о нас; тех молитвами, Господи, подай и нам получить жизнь вечную. Аминь.

¹ Валент – римский император 364-378 гг. после Р. Хр., правивший восточной половиной империи, ревностный покровитель ариан.

² Епарх – греческое слово, обозначающее "начальник". Так назывались правители римских областей.

³ Это было в 370 г.

Память святого мученика Авдия

Сей святой мученик жил и пострадал в Персии. За то, что он своим учением многих приводил к вере во Христа, начальник волхвов велел взять его и принудить поклониться солнцу и огню и отречься от Христа. За свое твердое исповедание истинного Бога он претерпел биение по чреслам терновыми палками, покрытыми острыми колючками. Четыре воина так долго его били, что его замертво унесли в свой дом, где он вскоре предал Богу свою святую и блаженную душу, славя и благодаря Его, и радуясь, что сподобился пострадать за имя Господа нашего Иисуса Христа¹.

¹ Святой мученик Авдий пострадал в царствование персидского царя Издигерда (408-420 гг.).

Память святых мучеников Фифаила и Фивеи

Сии святые мученики с дерзновением пред всеми исповедовали Христа истинного Бога, Творца и Промыслителя всего, а идолов называли глухими истуканами. Многих обратили они к истинной вере. Язычники взяли их и много мучили. Наконец, св. Фифаил был повешен на дереве и распилен пилою, а сестру его Фивею умертвили ударом копья в шею. Они оба предали свои святые и блаженные души в руки Божии, с хвалебною молитвою на устах¹.

¹ Пострадали в начале II века в царствование императора Траяна.

Убиение святого князя Глеба

Брат святого князя Глеба Святополк обманом вызвал его из Муром, послав ему сказать: "Отец твой при смерти и зовет тебя". В то время Святополк уже умертвил брата Глебова, св. Бориса, и стал замышлять и убийство св. Глеба¹. Он имел нечестивое намерение убить всех своих братьев, чтобы взять всю власть в свои руки, но концом сего злодеяния была вечная мука, по слову пророка: **"нечестивый уловлен делами рук своих"** (Пс.9:17). В то время, как князь Глеб был уже на пути в Киев и находился близ Смоленска, на Смядыне², настигли его окаянные убийцы, посланные Святополком, по злобе своей подобные свирепым зверям. Святой Глеб ждал от них приветствия, но они замышляли на его жизнь и неожиданно окружили его со всех сторон. Затем повар св. Глеба, родом торчин³, зарезал господина своего ножом, месяца сентября в пятый день⁴. Его тело было брошено в пустом месте. Но Господь Бог не оставил Своего раба, но прославил его, как некогда и св. первомученика Стефана⁵: иногда над местом, где лежало тело св. князя, виден был огненный столп, иногда же являлись горящие свечи, или слышалось ангельское пение. Видевшие эти знамения

возвестили о них в городе, жители которого взяли тело святого и перенесли в Вышгород⁶.

¹ Глеб – младший сын св. равноапостольного князя Владимира Великого, от христианского супружества его с греческою царевною Анною. Был князем древнего Муром, центра северной ростово-суздальской области (ныне довольно незначительный уездный город Владимирской губ.). Борис – родной брат св. Глеба от той же матери, князь Ростовский (Ростов – ныне уездный город Ярославской губернии); братоубийственно умерщвлен подкупленными убийцами, вскоре по смерти Владимира в 1015 году, на реке Альте, где стоял станом, возвращаясь с похода на печенегов. Святополк – сын Владимира от вдовы брата его Ярополка; за свое злодеяние остался в истории с именем "Окаянного". По убиении Бориса и Глеба, он был побежден Ярославом Мудрым, изгнавшим его и Киева, бежал в Польшу и впоследствии погиб "злою смертью" в пустыне между Польшею и Богемиею.

² Смядынь – маленький приток Днепра, при Смоленске.

³ Торки – один из кочевых народов азиатского происхождения⁴ в древней удельно-вечевой Руси обитали преимущественно на юго-западе ее.

⁴ Кончина св. благоверного князя Глеба последовала в 1015 году. Во св. крещении Глеб именовался Давидом.

⁵ О прославлении честных мощей святого первомученика Стефана в Четых Минеях, между прочим, повествуется: "Ночью над мощами святого являлся свет, и сильное благоухание исходило от ковчега (раки мощей) и воздухе слышалось ангельское пение". См. 2 августа.

⁶ Вышгород – древний и прежде значительный русский город, в 15 верстах от Киева вверх по Днепру; служил сильным укреплением для Киева с севера и был излюбленным городом великих Киевских князей, особенно Владимира Великого. – В Вышгород мощи св. князя Глеба были перенесены и положены вместе с мощами св. князя Бориса в княжение в Киеве Ярослава Мудрого в 1019 году. В 102 году в честь свв. князей установлено празднество. Мощи их утрачены во время нашествия на Киев Батия, хана монгольского, в 1240 году.

Тропарь благоверного князя Глеба, глас 4

Мученик Твой, Господи,/ спасшися веры ради,/ княже Глебе,/ труждающимся быстрый помощник/ и ненадежным надежа./ Ты бо болезни врачуеши притекающим к тебе с верою./ Темже и мы верою молимся/ от бед избави нас,/ чтущим любовию память твою.

Кондак благоверного князя Глеба, глас 2

Днесь земля ублажается, напившись крови твоея,/ и храм освящается, приимши тело твое,/ великомучениче княже Глебе./ Желанием болезни твоея за греди предлагаема/ и удесы благоухания освящающи,/ подающи всему миру велию милость.

Память святых мучеников Иувентина и Максима

Святые мученики Иувентин и Максим воины пострадали при римском императоре Юлиане Отступнике, при котором они состояли в должности щитоносцев. Однажды Юлиан, придя в Антиохию, окропил идоложертвенною водою все продаваемые на рынке снеди и пития, желая таким образом сделать христиан участниками нечестивых своих жертве. В то время сии два раба Христовы, присутствуя на одном пиршестве с другими воинами, со скорбью беседовали с ними о беззаконии царя и повторяли слова святых трех отроков, некогда сказанные в Вавилоне: **"И предал нас в руки врагов беззаконных, ненавистнейших отступников, и царю неправосудному и злейшему на всей земле"** (Дан.3:32).

Один из пировавших передал наутро сии слова царю. Тогда царь призвал святых воинов и спросил:

– Что вы говорили вчера на пиру?

Они отвечали истину и, повторяя те же самые слова, обличали царя и укоряли в беззаконном отступничестве.

Царь, пришедший в ярость, сначала велел беспощадно быть их и бросить в темницу; потом в полночь послал в темницу палача, который и умертвил их среди темничного мрака.

Празднование святому Апостолу Петру, в Афире

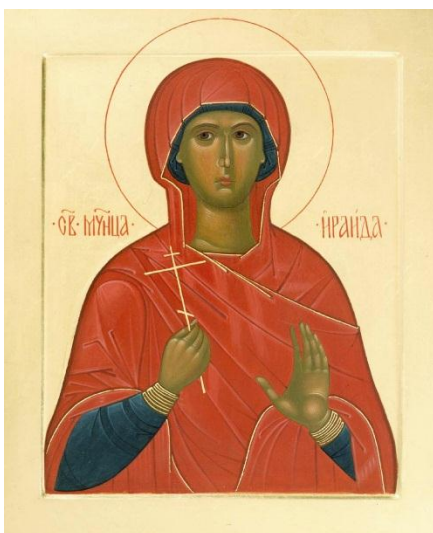
О сем храме св. Ап. Петра упоминается в житии св. Евтихия, патриарха Цареградского (6 апреля), где говорится, что, пред избранием сего патриарха в 552 году, царю Юстиниану¹ было видение, которое он с клятвою открыл другим: во сне он увидал себя в церкви св. Ап.

Петра в Афире², ему явился сам св. Апостол и, указав на св. Евтихия, сказал: "Сей да будет поставлен вам во епископа".

¹ Юстиниан Великий – знаменитый византийский император, царствовал с 527 по 565 гг.

² Город Афира или Афир находился при впадении реки Афира в Мраморное море и назывался иначе Порос; он находился в 24 тысячах шагов от Константинополя.

Мученица Раиса (Ираида) Александрийская, Антинопольская, дева

Дни памяти

18 сентября

6 октября

Св. мц. Ираида Александрийская, увидев корабль с заключёнными в оковы христианами, добровольно присоединилась к ним. Когда судно прибыло в египетский город Антиполь, она первая приняла жестокие мучения и была усечена мечом. Вслед за ней остальные узники также приняли смерть за исповедание Христа.

Святая мученица Ираида жила в Александрии. Однажды, подойдя к источнику, чтобы почерпнуть воды, она увидела корабль у берега, на котором находилось множество мужчин, женщин, священнослужителей и иноков, заключенных в оковы за исповедание Христовой веры. Отбросив водонос, святая добровольно присоединилась к узникам Христовым, и на нее наложили оковы. Когда корабль прибыл в египетский город Антиполь, святая Ираида первая претерпела жестокие истязания и была усечена мечом. Вслед за ней остальные мученики кровью запечатлели свое исповедание веры во Христа.

Афанасий Брестский, преподобномученик – преставление

Святой Афанасий подвизался в Юго-Западной Церкви вскоре после объявления унии и мученически пострадал от латинян, защищая православную истину и Церковь. Положение Православия в Польше и Литве было тогда очень тяжелое. На Соборе в Бресте в 1596 г. было объявлено единение (уния) Православной Юго-Западно-Русской Церкви с церковью Римско-католической, или латинской.

Казалось бы, это событие не только вполне отвечало любви и миру, главнейшим опорам христианства, но и проводило в жизнь величайший из заветов Спасителя, содержащийся в Его молитве к Богу Отцу: Отче Святой, ихже дал еси Мне, да будут едино, якоже и Мы (Ин. 17, 11). Но на самом деле уния готовилась недостойными людьми, вызывалась низменными расчетами и клонилась к попранию православной веры и русской народности на Юго-Западной Руси, которая в XVI веке входила в состав Польско-

Литовского государства. Уже самое заключение унии не обещало ничего доброго: оно сопровождалось обстоятельствами, которые были противны не только духу Евангелия, церковным обычаям и канонам, но и простым требованиям рассудка. Уния была объявлена действительной, хотя принявшие ее не пожелали даже выслушать православных; на троекратный позыв православных никто из униатов не явился для совещания о вере, и в конце концов представители восточного исповедания, не желавшие насильственного единения, были преданы анафеме со всеми их единомышленниками окружной соборной грамотой латинской партии. На это проклятие Православный Собор ответил осуждением митрополита и владык, принявших унию, и двумя следующими постановлениями:

1. «Мы даем обет веры, совести и чести за себя и за наших потомков не слушать этих осужденных соборным приговором митрополита и владык, не повиноваться им, не допускать их власти над нами; напротив, сколько возможно противиться их определениям, действиям и распоряжениям, стоять твердо в нашей святой вере и при истинных пастырях нашей Святой Церкви, особенно при наших патриархах, не оставляя старого календаря, тщательно сохраняя огражденное законами общее спокойствие и сопротивляясь всем притеснениям, насилиям и новизнам, которыми бы стали препятствовать целости и свободе нашего богослужения, совершаемого по древнему обычаю. Объявляем об этом торжественно, прежде всего пред Господом Богом, потом и всему свету, и в особенности всем обитателям короны великого княжества Литовского и областей, к короне принадлежащих».

2. «Мы, сенаторы, сановники, урядники и рыцарство, а также и духовные лица греческой веры, сыны Восточной Церкви, собравшиеся сюда, в Брест, на Собор, достоверно узнали ныне от самых вельможных панов, присланных на Собор его королевской милостью, что они с митрополитами и несколькими владыками, отступниками от Греческой Церкви, составили и обнародовали, без нашего ведома и против нашей свободы и всякой справедливости, какую-то унию между Церквями Восточной и Западной. Мы протестуем против всех этих лиц и их несправедливого деяния и обещаемся не только не подчиняться, но, с Божией помощью, всеми силами сопротивляться им, а наше постановление, сделанное против них, будем подкреплять и утверждать всеми возможными средствами и особенно нашими просьбами пред его королевскою милостью».

Эти заветы, которые от лица Церкви возложили на ее верных чад представители восточного Православия в Брестском Соборе, стали признанием святого Афанасия, и их осуществлению была отдана вся его жизнь: борьба с действиями и распоряжениями униатов была для него обетом совести и чести, а в твердом стоянии за святую веру, в защите общего спокойствия, огражденного законами, в противлении всем притеснениям, насилиям и новизнам латинян состояли его подвиги, труды и страдания. О своем протесте против злоупотребления латинской партией властью и силой, на точном основании брестских постановлений, святой торжественно объявлял перед обитателями короны и великого княжества Литовского, неотступно обращался с просьбами об охране Православия и к королевской милости.

Святой Афанасий родился когда-то около времени заключения церковной унии и, может быть, в Бресте, в том самом городе, где она была провозглашена, где особенно больно чувствовались обиды, наносимые Православной Церкви, и где были более живы любовь к отечественной вере и отвращение к латинству.

Неизвестно, из какого сословия вышел святой Афанасий, но, судя по его пламенной ревности о святой вере, можно думать, что унаследовал ее от людей простых, в то время отличавшихся особенно сильной преданностью Восточной Церкви и даже составлявших братские союзы для ее защиты от насилия латинян.

«Я, недостойный Афанасий Филиппович, – свидетельствует преподобный о себе, – милостью Божией и молитвами Пречистой Богородицы в вере православной и Церкви истинной Восточной, как следует, утвержден с самого детства и возникновения во мне разума».

Первоначальные познания «в науках церковно-русских» он получил, надо думать, в одной из братских школ, может быть, в школе родного города Берестья.

Где святой Афанасий получил дальнейшее развитие, не имеется сведений. Но несомненно он был одним из образованнейших людей своего времени: знал творения святых отцов, жития святых, а также и сочинения западноевропейских историков; свободно писал по-польски, по-латински и хорошо был знаком с греческим языком.

В своей молодости святой Афанасий «служил в разных местах», т. е. вероятно как человек, выдающийся по своему развитию, занимался преподаванием в богатых домах польско-русского дворянства. Когда канцлер литовский Лев Сапега, с ведома польского короля Сигизмунда III (1587–1632), был назначен опекуном над Яном Фавстином Лубой, которому поляки с детства внушили мысль, что он законный наследник московского престола (сын Марины Мнишек, жены первого Лжедмитрия), Афанасий Филиппович, как известный по своему образованию человек, был приглашен к нему инспектором (надзирателем) и в этой должности прослужил семь лет при дворе Сапег.

Вероятно, суетная, беспечная и не в меру разгульная жизнь, которую пришлось наблюдать св. Афанасию при дворе богатого польского вельможи, произвела в нем нравственный переворот, и он стал часто задумываться «над греховностью века сего». Размышления привели его к тому, что он решил порвать связи с миром, отошел от Сапег и в 1627 г. принял монашеское пострижение в Виленском Свято-Духовом монастыре. Отсюда святой послан был на послушание сперва в монастырь Кутейнский под Оршою (Могилевская губ.), а затем в Межигорский около Киева, где «немалое время учился воле Божией и жизни по закону».

Из Межигорья св. Афанасий был снова позван в Вильну. При прощании межигорский игумен сказал преподобному: «Брат Афанасий, сохрани в глубине сердца по крайней мере три вещи: будь в послушании у своих старших, ревнуй о церковном правиле и стерегись бесед с женщинами; когда, при помощи Божией, сохранишь это, спасешься и будешь потребен на службу Церкви Христовой. Иди с миром!»

На пути в Вильну преподобный встретил весьма больного человека, «взял его на себя и нес не мало»; этот человек открыл подвижнику многое из тайн Божиих, «вложил ему в сердце сладчайшее имя Иисуса и научил, как сохранить его: 1) иметь в обращении с людьми разумную умеренность; 2) хранить послушание, чистоту и пребывать в бедности; 3) постоянно памятовать о двоякой смерти (духовной и телесной); 4) решительно во всем полагаться на волю Божию и 5) если бы по немощи тела приключилось что противное воле Божией, очищать себя исповедью и полным раскаянием».

В Вильне преподобный получил посвящение в сан иеромонаха и волей Божией и старших был назначен наместником в Дубойский монастырь под Пинском, где в течение трех лет «сильно боролся то со своими дурными помыслами, то с врагами Православия иезуитами». Канцлер литовский князь Станислав Радзивил в 1636 году отобрал Дубойский монастырь для поселившихся в Пинске иезуитов. Благочестивая душа св. Афанасия была глубоко потрясена этой неправдой, и он видел наяву необыкновенно страшные знамения на небе и на земле: на небе – грозные облака с войсками, выстроенными для битвы и готовыми к отшествию; на земле – семь адских огней, назначенных для семи смертных грехов; в одном из них (в огне пламенного гнева) ясно заметил трех людей: папского нунция в папской короне, короля Сигизмунда и гетмана Сапегу, сидящих в страшной печали за преследование Восточной Церкви. В горячей ревности по святой вере православной преподобный написал жалобный лист о притеснениях православных латино-униатами и, закрепив его подписями многих почтенных людей, вручил его Пречистой Богородице Купятицкой, т. е. положил у Ее иконы, моля Ее вступить и защитить православных от обиды.

По отобрании у православных Дубойской обители Афанасий Филиппович был оставлен на послушании в Купятицком монастыре и пребывал здесь в трудах и терпении. В это время (1636 г.) в Купятицкий монастырь пришли листы Петра Могилы, митрополита Киевского

(1633–1647), с просьбой собрать милостыню на обновление кафедральной митрополичьей церкви Киево-Софийского собора. Просьба была исполнена, и в мае 1637 г. собранные деньги были отправлены митрополиту. Узнав от посланного, что в Купятицах церковь весьма стара, Петр (Могила) дал «универсальный лист» (общий лист, по которому можно было собирать подаяния на всем Юго-Западе Руси, а не в одной определенной местности или повете) для сбора подаяний на обновление этого храма, а игумен Иларион (Денисович), после совета с братией, возложил это послушание на святого Афанасия и на послушника Онисима Волковицкого. Преподобный отнесся к труду на благо церкви, в которой помещалась Купятицкая чудотворная икона Богоматери, с необыкновенным усердием и ревностью. После совещания, которое происходило в монастырской трапезе, рассказывает св. Афанасий, «вдруг страх весьма великий напал на меня и я сидел у стола точно одеревенелый; ушедши в свою келлию, я затворился и встал пред Всемогущим Богом молиться о своем послушании. Спустя немного, когда я стоял на молитве, на меня напал такой страх, что я порывался бежать из келлии, но, удержанный какой-то неведомой силой, остался и долго горько плакал и, хотя в келлии никого не было, я услышал сладкий голос: «Царь московский устроит Мне церковь; иди к нему». При этом меня точно облило варом, и я снова начал горько плакать, думая: что-то будет». В ноябре 1637 г., когда приближалось время отъезда на сбор, идя от заутрени из церкви, преподобный объявил игумену о своем видении, на что тот ответил: «Брате милый, куда тебя Всемогущий Бог и Пречистая Богородица поведут, туда и иди, а я тут с братией буду молиться, чтобы ты во здравии вернулся к нам; а о чем ты говоришь, не знаю, как это сбудется, когда у тебя нет и листа, который выдается от короля, нашего господина».

Простившись с братией, прп. Афанасий вошел в притвор церковный и, поручая себя во всем попечению Божию, стал молиться с коленопреклонением; потом через окно взглянул на чудотворный образ Пречистой Богородицы, и ему послышался из церкви шум, очень страшный. Поверженный в трепет, он хотел бежать, но потом, собравшись с духом, снова поглядел через оконце, говоря: «О, Пречистая Богородице, будь со мною». И в ту минуту от чудотворного образа Пречистой Богородицы послышался ясный голос: «Иду и Я с тобою». А диакон Неемия, стоя на левом клиросе наподобие иконы (этот диакон за несколько лет пред сим преставился в молодых годах после богоугодных подвигов иноческих) и, как бы заикаясь, вымолвил: «Иду, иду и я с Госпожою моею».

Когда св. Афанасий с Онисимом Волковицким приехали в Слуцк (уездный город Минской губернии), архимандрит Шицик отобрал у них листы и все Святки продержал их в большой тревоге, разобидевшись на купятицкого игумена за то, что он отправил сборщиков в Белоруссию без доклада ему, наместнику митрополита; но, уstraшенный во сне видением, вернул листы путникам и сказал: «Делаю это для Пречистой Богородицы, а не для вашего игумена; идите с Богом, куда хотите».

Оттуда сборщики прибыли в Кутеинский монастырь близ города Орши. В монастыре удивлялись их смелому плану идти в Москву за сбором подаяний. Но предостерегали. «Господине отче Афанасие! – говорил наместник монастыря. – Трудно без пашпорта короля, нашего повелителя, идти вам через Смоленск и Дорогобуж за границу до Москвы: виленские чернецы и пашпорт имели для милостыни, а много набедствовались».

Святой Афанасий был напуган этими словами, но не оставил своего плана; добыв от кутеинского игумена рекомендательные письма к разным протопопам и православным братствам, преподобный посетил Копыс, Школов, Могилев, Головчин. Но нигде не получил милостыни, потому что перед ним прошли другие сборщики. Вернувшись в Кутеинский монастырь и уже решив ехать назад, в Купятицы, преподобный услышал такой совет от наместника: «Отче Афанасие, брате милый! Жаль мне тебя, что ты, сделав так мало для своего послушания, отъезжаешь домой. Советую тебе: иди через Трубецк до Брянска; хоть и там будет не без труда, однако, волей Божией, попадешь в столицу Московскую».

Запали эти слова в сердце св. Афанасию; передал он их и настоятелю Кутеинской обители, который благословил его на путь и дал рекомендательное письмо к князю Петру

Трубецкому. С разными скорбями и неприятностями путники через Пропойск и Стародуб дошли до Трубецка. Но здешний воевода князь Петр, несмотря на письмо кутеинского игумена, отнесся к сборщикам крайне подозрительно, так как тогда было казацкое восстание под начальством Павлюка и граница оберегалась особенно строго. Трубецкой под угрозой великого наказания велел путникам возвратиться назад, и они уже хотели было ехать домой. Но решили побывать еще в Челнском монастыре. «Когда я, – говорит св. Афанасий, – шел пешком вдали перед конем и молился Господу Богу и Пречистой Богородице, страх великий напал на меня, так что я восклицал громким голосом: «О, Боже мой и Пречистая Богородица, смилуйся надо мною! Что это делается?» В это время мне показалось, будто послушник говорит: «На что требуешь людской помощи? Иди в Москву, Я с тобою». Приблизившись к послушнику, я спросил его, что он говорил, а он ответил: «Ничего я не говорил тебе, я только сержусь на вас, что мы даром бродим"».

Прибыв в Челнский монастырь, преподобный поведал братии, что при помощи Божией намерен добраться до Москвы; на это один из старцев ответил: «Не дойдешь, господине, так как время тревожное по случаю казацкого погрома, но если с тобою, как говоришь, помощь Божия, то можно дойти. Направляйся в Новгород Северский к воеводе Петру Песечинскому; счастье твое, если прикажет тебя пропустить, а тут везде великая охрана».

Св. Афанасий послушался этого совета. На пути к Новгород-Северску на ночлеге в постоялом доме, в глухую полночь, на преподобного напал великий страх и ему почудилось, будто кто-то едет с немалой свитой, слышался голос: «Есть, есть, он тут», а когда все утихло, Афанасий разбудил хозяина и, ничего не сказав ему, просил сию же минуту проводить на Новгородскую дорогу. В пути, ночной порой, не зная, куда ехать, преподобный, чтобы разогнать тревогу, начал возглашать акафист Богородице: «Взбранной Воеводе победительная» – с припевами: «Аллилуиа, аллилуиа», а затем под утро вздремнул. «Отряхнувши сон с очей, – пишет св. Афанасий, – я увидел юношу в мантии, сидящего на нашем коне, поглядывающего назад на нас и указывающего дорогу. Юноша сказал: «Я Неемия, диакон, сожитель ваш купятицкий». Затем исчез, а когда взошло солнце, вместе с ним я увидел на небе крест, а в нем – образ Пречистой Богородицы с Младенцем, вроде Купятицкого, пронизанный и окруженный лучами солнечными. И после того, как я в раздумье немало смотрел на него, хотел указать на это чудо послушнику Онисиму, а он, встрепенувшись от сна, начал бить коня, и в тот миг образ стал невидим на небе, и я уже больше не упоминал ему тогда о видении. Приблизившись к пограничному селу перед полуднем, мы чудесно миновали стражу воеводы новгородского: один поселянин того села стоял около дороги, сняв шапку, а когда я поздоровался с ним, сказал мне: «Что это за Госпожа, отче, и куда едет с такой немалой свитой?» Я не знал, что отвечать ему, только сказал: «Но, но» – и отошел к саням».

Из селения проводила иноков большая толпа народа и около церкви во имя св. Афанасия, стоящей за селом в поле, путники волей Божией перешли границу и приехали в первое село Московской Руси Шепелево. Здесь они были приняты ласково. Все изумлялись, как это им удалось пробраться около стражи, видели в этом явную помощь Божию инокам-путникам, а одна женщина прямо сказала: «Воистину с ними едет Богородица, если они миновали охрану».

10 февраля 1638 г. св. Афанасий с Онисимом прибыли в Севск, где голова с другим чиновным человеком допытывались, для какой нужды явились путники; узнав, что у них нет пропуска к царю, они сказали, что невозможно им добраться до столицы. Преподобный на это ответил: «Иду по воле Божией и той иконы, которую даю вам в отпечатке на бумаге». Тогда они поверили ему и отошли, не приняв никакого решения. Когда преподобный при закате солнца был в одном лесу, неподалеку от Севска, явственно услышал следующий голос: «Афанасий! Иди к царю Михаилу и скажи ему: побеждай наших неприятелей, ибо уже пришел час; имей на военных хоругвях образ Пречистой Богородицы Купятицкой для помощи и в битвах храбро защищай каждого человека, именующегося православным».

Поздно ночью, сбившись с дороги, странники попали в деревню Кривцово, в пяти верстах от Севска, и выпросились на ночлег у одного христианина, у которого был сильно болен сын. Севши около страдальца, св. Афанасий обратился к Всевышнему с молитвой об его исцелении. На следующий день пришел к преподобному хозяин и говорит: «Старче великий, если ты священник, помолись Богу о сыне, чтобы он был здоров». Св. Афанасий, отправивши с послушником молебен, знаменал больного бумажным образом Пречистой Богородицы Купятицкой. О, дивные дела Божии! Точно как пробужденный от сна, больной поднялся и вскричал: «Откуда это пришла надежда моя Богородица исцелить меня?» И тотчас встал, возблагодарил Бога и прислуживал путникам за столом, а люди, бывшие при этом, сильно изумлялись в радости и страхе. Отец исцеленного проводил дорогих гостей на Брянскую дорогу и советовал непременно ехать в Москву.

По отъезде из Кривцов послушник Онисим доставил много беспокойства св. Афанасию и даже порывался бежать от него, говоря: «Вернемся в Литву, ибо здесь погибнем. Для чего мы терпим такую беду и добровольно отдаем себя еще большим опасностям? Настойчиво стремишься ты быть в столице Московской, не будешь, не будешь!» Преподобный, обратившись про себя с молитвой к Господу и Пречистой Богородице, тихо сказал своему спутнику: «Милый брат, побойся Бога! Ты ведь сам слышал и видел немало Божиих чудес над нами; зачем же не рассудительно поступаешь?» И обстоятельнее раскрыв перед ним Божественное попечение о них обоих, наконец сказал: «Нам спутешествуют Пресвятая Богородица по обещанию Своему и Ангел Хранитель наш, которого я ясно видел в лице Неемии, диакона купятицкого».

Выслушав это, Онисим попросил у святого прощения и с того времени спутники ехали в полном согласии.

Когда спутники прибыли в Карачевский Воскресенский монастырь, его игумен принял их с любовью и посоветовал взять пропуск к царю от местного воеводы. Выслушав рассказ путников, воевода произнес: «Дивны судьбы Божии! Я об них выведывать не хочу, а каждому деянию Божию простым сердцем верую». И дал им лист и проводника до самой столицы. «Чудесным образом, – говорит преподобный, – доехавши до Московской столицы, будучи за рекою Москвою, на Ордынской улице, в гостинице, и по всей правде написавши историю того, что происходило по дороге по указанию Божию (как тому верую по простоте сердца), подал ее царю московскому на укрепление, охрану и распространение православной веры». Вероятно, история чудесного странствования св. Афанасия, поданная Михаилу Феодоровичу, пришлась вполне по душе благочестивому царю, и ее составитель, св. Афанасий, был отпущен домой с богатой милостыней на сооружение церкви во имя Пресвятой Богородицы Купятицкой. Из Москвы преподобный и его спутник выехали в Неделю Вербную (1638 г.) через Можайск и Вязьму до Дорогобужа, а отсюда Днепром на челноке через Смоленск и Оршу до Могилева, из Могилева 16 июня «возом» через Минск на Вильну и прибыли в Купятицы 16 июля 1638 г.

Скоро после того, в 1640 г., монашествующие Брестского Симеонова монастыря просили настоятеля Купятицкого прислать им на игуменство одного из двух лиц: Афанасия Филипповича или Макария Токаревского. Иларион Денисович, не желая пускать от себя ни одного из дорогих трудников, отправил третье лицо, но брестские иноксы не приняли его. Тогда решено было кинуть жребий, кому ехать в Брест, Макарию или Афанасию, и по воле Божией жребий пал на св. Афанасия. Расставаясь с ним, Иларион Денисович написал брестским инокам, что «с великой скорбью» отпускает к ним «половину себя самого» и при этом прибавил: «Спостраждите во всем ему, да со Христом воцаритесь».

По прибытии в Брест на игуменство преподобный прежде всего занялся разысканием старинных грамот, епископских и королевских, которыми утверждались разные права и преимущества за вверенным монастырем. Усмотрев из сих грамот, что «уния со старым Римом, принятая вопреки законам Церкви Восточной, проклята навеки, я, – говорит Афанасий, – открыто в церкви и в разных местах объявлял об этом». Открытое заявление произвело столь сильное действие, что, по словам преподобного, «в месте том

Берестейском и во всем округе того воеводства униаты начали испытывать величайшую тревогу». В следующем (1641) году, в сентябре, св. Афанасий отправился на сейм, т. е. на собрание государственных чиновников, в Варшаву и выхлопотал у короля Владислава IV (1632–1648) за его собственноручной подписью грамоту (привилегий), которой подтверждались все старые преимущества православного братства в Бресте и обеспечивалось на вечное время полная свобода богослужения и обрядов по уставу Восточной Церкви. Но по законам царства Польского королевский привилегий не мог иметь силы без утверждения его печатью коронного канцлера или подканцлера. Св. Афанасий молился об этом и даже предлагал деньги, но напрасно.

«Будете все униатами, – говорили хранители печатей просителю, – так мы и даром запечатаем; знайте, что нам от святого отца, папы римского, под клятвой запрещено умножать здесь греческую веру».

Тогда преподобный обратился за советом и помощью к православным, сначала к влиятельным духовным особам, прибывшим на сейм. Но и здесь не нашел он поддержки, так как каждый из них был занят исключительно своими частными делами и выгодами. «Остальные отцы и монахи, – замечает преподобный, – все приехали со своими личными побуждениями и говорят одно: у меня довольно церквей, как себе кто хочет, так пусть и хлопочет, это не мое дело. О полном и общем успокоении веры Православной даже нет и помину». Проникнутый мыслью «о полном и общем успокоении», св. Афанасий чутко прислушивался к жалобам на унижение Православной Церкви, которые раздавались отовсюду и были принесены в Варшаву приехавшими на сейм по разным делам горожанами. Трогательными чертами со слов православных мирян описывает преподобный бедствия Православной Церкви в Польско-Литовском государстве: «Даже и за деньги нельзя иметь свободы в отеческом благочестии и поступать, как требует совесть православных людей. О, горе! Живут дети без крещения, взрослые – без венчания, а умерших хоронят крадучись, ночью, в полях, огородах, погребях. Здесь, в христианском государстве, православные люди терпят больше стеснений, чем в турецкой неволе. Бедные оршане потому только, что в своем братстве устроили новую церковь, должны были дать за печать двести червонцев». Пораженный грустью при мысли об этих притеснениях православных, св. Афанасий однажды говорил сам себе: «О, Боже правый! Веса беззакония упали до самого края; уже и отцы наши старшие не пекутся о вере православной, об утверждении славы Божией; все как будто стыдятся ее, а что хуже всего – некоторые, обольщенные латиной и высокоумием, из-за почестей и свободы света сего, безрассудно перекидываются от истинной веры к другой вере и, как бы хромая, возглашают: «О, и та и эта вера добра», а этого быть не может, чтобы существовало много вер добрых, ибо написано: «Един Господь, едина вера, едино крещение» (Еф. 4, 5)».

В одном из видений притесняемая Церковь Православная представилась прп. Афанасию в виде девы, ограбленной, плачущей и жалующейся на врагов своих. Потом на постоялом дворе, когда св. Афанасий совершал акафист Пречистой Богородице и произнес слова: «От всяких нас бед свободы», то услышал от образа Богоматери явственный голос: «Афанасий! Жалуйся теперь на сейме при помощи иконы Моей Купятицкой, в кресте изображенной, перед королем польским и государством, грозя праведным гневом и страшным судом Божиим, который вот-вот поистине наступит, если не образумятся; пусть прежде всего навеки осудят проклятую унию – в этом самая насущная нужда, и им еще может быть хорошо».

Исполняя это повеление, преподобный в 1643 г., как св. пророк Илия, ревнующий об истинной вере, отправился на генеральный сейм в Варшаву. Он взял с собою по семи экземпляров образков Купятицкой Богоматери, написанных на полотне, историю своего путешествия в Москву и «надписание», заключающее предостережения о гневе и Страшном Суде Божиим за преследование Православия и покровительство унии. Вместо прошения от Церкви Восточной преподобный раздал знатнейшим членам сейма из дворянских родов иконы Богоматери с приложением и в присутствии всех членов сейма

обратился к королю со следующей речью: «Наияснейший король польский, господин мой милостивый! Мы терпим несносную кривду; не хотят нам, людям православным, в делах церковного благочестия утверждать печатями привилегии, не хотят нас защищать на основании прав, скрепленных присягой вашей королевской милости, и вот уже около 50 лет вера православная и Церковь Греческая Восточная под вами, христианскими панами, в королевстве Польском в угоду проклятой унии терпит чрезмерные притеснения, и это при содействии и помощи ненавистных римских церковников, в особенности же иезуитов, чрезвычайно хитрых. Эти иезуиты с помощью точеных речей, лукавых наук и высоких титулов, овладевая душами молодых людей, устроая в школах комедии, проповедуя в костелах и издавая превратные книжки, измышленные по внушению сатаны, безбожно соблазняют простых людей, своих потатчиков, а православных христиан, сами будучи неправославными, предают позору и преследуют».

Ревнитель Православия передал королю снимок с Купятицкой иконы Богоматери и приложил к нему особое писание. Этим писанием преподобный просил короля успокоить правдивую веру греческую, а унию уничтожить. Он писал Владиславу: «Если унию проклятую искорените, а Восточную истинную Церковь успокоите, то поживете лета ваша в счастье, а если не умирите истинной греческой веры и не сметете с лица земли унии проклятой, то воистину познаете гнев Божий. Образ Пресвятой Богородицы да будет вам трубою и знамением, предвещающими Страшный Суд Божий, который имеет наступить, когда благословенные унаследуют Царство Небесное, а проклятые будут низринуты в ад на вечные муки».

Грозные речи и писания Афанасия, конечно, должны были поразить сердце короля и сенаторов, и, вероятно, правительство по этому поводу выразило свое неудовольствие представителям православной партии на сейме, и «свои отцы старшие» взяли Афанасия, объявили помешанным и посадили под стражу. «Я, — пишет преподобный, — остался поруганным, осмеянным и оплеванным за то, что (прости им Боже!) не докладывался им, защищая мольбы (как будто нужно докладываться в таких тайнах Божиих и сделал это по собственному хотению, а не воле Божией). О, горе! До чего дошло у мудрых на латинский образец. Уже нисколько не заботятся о вере и не слушают воли Божией, но, всецело надеясь на себя и на свой разум, творят свою волю и своих же угнетают». Снедаемый скорбью, что не только король с польской шляхтой, но и своя братия духовная не хочет поддержать великое дело успокоения веры Православной, Афанасий, подражая Христа ради юродивым, притворился как бы безумным. Вышел из темницы нагим, имея на себе только клобук да параманд для показания своего звания, вымазался в болоте и, поражая себя посохом, бегал по улицам Варшавы и восклицал громким голосом: «Горе проклятым и неверам!»

Преподобный имел намерение вбегать в костелы и возглашать те же слова, но его догнали слуги владык, съехавшихся на сейм, и, втолкнув в болото, глубиной выше колен, продержали его до прихода с постоянного двора воза. Произошло это в марте месяце: страдалец терпел великую стужу. Еле живой на возу был доставлен во владычную гостиницу и снова кинут в заключение. По жалобе некоего Даниловича, архиерейского писаря, «старшие отцы судят» преподобного и, «не имея на это никакого права», постановляют решение: лишают его игуменства и пресвитерства», затем препровождают его, как зачумленного, от одной духовной особы к другой и по окончании сейма отправляют на суд к Киевскому митрополиту, которым тогда был знаменитый Петр (Могила).

Консистерия митрополита оправдала Афанасия, и варшавское определение было уничтожено. «Когда я на суде, — замечает Афанасий, — припомнил, как меня в Варшаве водили от гостиницы к гостинице, отец Гизель сказал: «Как от Анны к Каиафе"», т. е. сравнил варшавский суд над Афанасием с судом первосвященников иудейских над Иисусом Христом.

Восстановленный в пресвитерском сане, преподобный неоднократно совершал святые литургии в Киеве, как в пещерах, так и в церкви Успения Богоматери, а когда православное Брестское братство вошло к митрополиту с просьбой вновь прислать на игуменство св.

Афанасия, Петр Могила исполнил это ходатайство братчиков. В грамоте братству по поводу возвращения игумена митрополит ставил на вид, что преподобный посылается на игуменство «после надлежащего вразумления духовного за поступок, который всей Церкви Российской причинил скорбь и трудности», и что Брестский игумен вперед «будет осторожней поступать в делах церковных, особенно же перед королем, его милостью, господином нашим милостивым и всем пресветлым его сенатом».

Вернувшись в Брест, св. Афанасий всей душой отдался монашеским подвигам с братией вверенного ему Симеонова монастыря. Но обстоятельства в Западной Руси слагались в то время так, что тихая и уединенная жизнь иноков постоянно прерывалась. Православные – как духовенство и монахи, так и миряне – терпели много притеснений за свою веру: не раз испытывали от своевольных школьников иезуитских и от униатских попов ругательства, позорные насмешки и битье, нападения и всякого рода бедствия. Один униатский архимандрит, насильно захвативши на большой дороге монахов, посланных к св. Афанасию из Купятицкого монастыря, священноиноку отрезал бороду, диакона раздел донага и обоих прогнал, а двух монастырских коней со всеми вещами грабительски присвоил себе. Дошло до того, что никому из монастыря нельзя было показаться на улицу, не подвергаясь ругательствам. «На каждом месте, – рассказывает св. Афанасий, – во дворах и судах, ругаются над нами и кричат на нас: «Гу-гу, русин, волк, схизматик, турко-гречин, отщепенец"».

Так как канцлер Сапега считался покровителем (патроном) Брестского монастыря (обитель имела землю, им данную), то преподобный в 1644 г. ездил к Сапеге в Краков и просил своего прежнего хозяина, чтобы он выхлопотал у короля охранный лист для православных жителей Бреста, которые не находят в судах защиты от притеснений со стороны униатов. Но гордый вельможа дал такой ответ преподобному: «Поп с попами подрался, а мне какое дело? Сделайтесь униатами и будете жить в покое».

Обиды и притеснения, которые отовсюду сыпались на православных, разумеется, не могли не волновать преподобного. В сильном возбуждении он становится на молитву перед Купятицкой иконой Богородицы и опять явственно слышит голос, исходящий от святой иконы: «Афанасий! Проси еще с помощью Моего образа на будущем сейме перед королем польским и Польским государством о полном уничтожении проклятой унии. Хорошо будет, если послушают и уничтожат ее: проживут еще счастливо в будущих летах».

Устрашенный видением, св. Афанасий пять дней был чрезвычайно слаб, не пил, не ел и все раздумывал о том, как ему поступить. Он знал, что смелые речи на сейме снова вызовут суд над ним и осуждение, и в то же время боялся нарушить волю Божию. Смутился великостью дела, которое на него, смиренного, возлагал Господь, и успокаивал себя тем, что даже ослица Валаама говорила некогда по воле Божией. Подобно другим инокам хотел бы преподобный сидеть в обители, молясь Творцу своему за себя и за всех властей, духовных и светских, а особенно за своих благодетелей, но, вынуждаемый волей Божией, он начал готовиться к генеральному сейму 1645 г. Прп. Афанасий имел намерение, как в предшествующий сейм, поднести королю и сановникам в нескольких тетрадах снимок Купятицкой иконы Пресвятой Богородицы вместе с описанием чудес от нее во время путешествия в Москву, а затем сделать предложение об отмене унии и успокоении православной веры. Но преподобному не суждено было осуществить свои намерения: в ноябре 1644 г. он был арестован в Бресте, отвезен в Варшаву и брошен в оковы, в которых содержался более года.

И в тюрьме, как на свободе, преподобный более всего отдавался скорби о тяжелом положении Православной Церкви в Польско-Литовском государстве и мысли о «полном и общем успокоении» истинной веры. Лучшим выражением его тогдашнего настроения служит стихотворение, которое он составил, сидя в тюрьме, и, положив на голос, распевал для утешения душевной боли: «Пошли покой Церкви Своей, Христе Боже! Не знаю, может ли кто из нас терпеть дальше! Дай нам помощь в печали, чтобы мы всецело отдались вере святой, непорочной».

Когда надзор за преподобным был ослаблен, он, сидя в тюрьме, усердно занялся составлением памятной записки (мемориала), которая и подана была от его имени королю Владиславу 29 июня 1645 г. во время заседания генерального сейма. В записке своей преподобный доказывает: Русь с самого принятия христианства стояла в церковной зависимости от Константинопольского патриарха, а униаты, «отбегшие пастыря своего законного» и отдавшиеся другому, не настоящему (папе), подлежат анафеме, как отступники от веры; самая уния принята была духовными по корыстным побуждениям: например, епископ Игнатий Поцей, один из ее защитников, добивался сенаторского кресла; митрополит Рагоза и епископ Кирилл Терлецкий склонялись к унии, привлекаемые вольностями, которые им обещаны от лица папы. «От того часу, – говорит св. Афанасий, – как Каин Авеля и Измаил Исаака, так проклятый униат бил и преследовал православного брата своего и по сие время, с помощью прислужников и врагов правды святой, при поущении Божиим, как хочет, так и злодействует: бедных людей всякого сословия, как в братствах церковных, так и во всяких советах, судебных и ремесленных, клеветца безбожно, грабит и дерет со всего, что имеют православные христиане – с веры святой, с совести чистой, с славы доброй, с имущества, всячески поносит их и бьет; кроме того – и это хуже всего – печатает, отбирает, повергает в нищенство и уничтожает церкви, мешает свободе благочестивой совести. Во многих и разных местах в королевстве христианском ради той проклятой унии и по сие время совершаются ненужные кровопролития. В конце концов и с казаками из-за той же унии была внутренняя бесполезная война; из-за нее милость исчезла чуть не во всех; из-за нее ласкательство, подхалимство, зависть, предательства, злодейства и – хуже всего – размножается проклятая вражда; из-за нее погиб порядок духовный и светский». Св. Афанасий обращается к королю с мольбою отменить унию, введенную королевской властью: духовные отцы (епископы) уже не могут улучшить положения, так как сами нуждаются в исправлении. При вступлении на престол король присягою скрепил обещание умирить Православную Церковь, а между тем этого не сделано и доселе. Не нужно насилия ни над чьей совестью: пусть униаты остаются, если хотят, при своих заблуждениях, но и пусть православные будут свободны в своей вере.

Неизвестно, как эта горячая мольба узника была принята королем, думая, что бумага не дошла до него, преподобный из темницы пишет второе прошение, в котором обращается к королю с трогательным воззванием: «Смилуйся, наияснейший король польский, господин мой благосклонный, над гонимую Восточную Церковь, которая находится в твоём королевстве». Это прошение, оправленное в зеленый атлас, во время проезда короля по Варшаве было брошено кем-то в его карету и прочитано Владиславом IV, но распоряжения по нему не было сделано. Еще одна бумага, назначавшаяся королю, не была им принята. «Не нужно, не нужно больше ничего, – сказал он, – я уже приказал выпустить его».

Действительно, 19 октября 1645 г. по приказу Владислава было написано Киевскому митрополиту, чтобы он прислал взять к себе Афанасия, который «заслужил наказание, но его королевская милость оставляет без внимания»; вместе с тем от митрополита требовалось послать беспокойного для польской власти игумена в такое место, где бы он не мог уже «чинить никаких тревог». Тем временем с преподобного сняли оковы и ослабили надзор, так что он мог свободно получать письма от близких ему людей. Одно из присланных в тюрьму писем, утешая узника, называет его исповедником. Преподобный сравнивается здесь со святым апостолом Павлом, и говорится далее, что «среди запустения он процвел как благоуханный цвет, сияющий не только российскому народу, но всему соборному вселенскому благочестию». Хотя св. Афанасий мог легко бежать из тюрьмы, но он не соблазнялся свободой и требовал суда над собой или, по крайней мере, приема у короля. Он рассылал письма и прошения к лицам, влиятельным при дворе, чтобы они испросили ему у короля прием, и король было согласился выслушать игумена, но католическое духовенство отговорило Владислава, и 3 ноября 1645 г. преподобный был отправлен с двумя драгунами в Киев. Явившись к митрополиту Петру Могиле, св. Афанасий представил ему подробный отчет о своих деяниях в Варшаве с приложением в

копиях документов, которые им были даны королем. Вероятно, преподобный надеялся, что митрополит и на этот раз оправдает его, как оправдал раньше, и отошлет опять на игуменство в Брест, но королевское повеление возымело свою силу: подвижник был оставлен в Печерском монастыре как бы под началом. Заключение преподобного в Киеве сильно волновало многочисленных его почитателей и один из них, по имени Михаил, писал по этому поводу наместнику и братии Брестского монастыря в следующих выражениях: «Извещает ваше благочестие меня, что пречестный отец Афанасий разрешен от узилища иноверных и послан в Киев на заключение к единоверным. Это дивно для меня, ибо и Христос, Господь наш, пострадал не от неверных, но от верных своих предан был в руки человек грешных. Пророчествует господин отец Афанасий, что уния погибнет. Я бы веровал этому, если бы видел наши заслуги, но я не вижу их и не смею веровать в конец (унии). А почему? Спросите. Потому что наша Русь этого не хочет, особенно же старейшины. Кто не желает ратовать против унии, тот стремится к ней; поэтому наши старейшины хотят унии, если не словом, то делом, что еще хуже». Вероятно под влиянием этого ясно обнаружившегося расположения православных к святому и последовавшей 1 января 1647 г. смерти Петра Могилы преподобный получил свободу и вновь вступил на свое игуменство.

Но недолго святой Афанасий наслаждался покоем в тихой обители Брестской. Весною 1648 г. в Малороссии вспыхнуло казацкое восстание под предводительством Богдана Хмельницкого, началась несчастная для поляков война. Православное население Литвы и Польши во время войны страдало еще больше, было на постоянном подозрении в измене польскому королю, в соучастии с восставшими казаками. И святой Афанасий принял тогда мученическую кончину, несправедливо обвиненный в измене.

О суде над преподобным и его казни обстоятельно рассказывает особая повесть, составленная под сильным впечатлением скорбных событий послушниками Брестской обители св. Симеона, почитателями св. Афанасия. «Что мы видели своими глазами, что могли узнать от других людей о муках и отшествии из мира сего покойного отца Афанасия, нашего игумена, о том пишем и свидетельствуем. Кто-то недобрый в то время поднял войну с казаками: и встали великое преследование и неосновательное подозрение от иноверных на бедную Русь во всей короне Польской и великом княжестве Литовском. Покойный отец игумен уже не говорил ничего, противного униатам, сидел себе тихо в монастыре в то тревожное время. Вдруг паны из каптуровых судов воеводства Брестского по навету пана Шумского, в то время капитана королевской гвардии, прислали несколько человек шляхты в наш монастырь, чтобы взять игумена в замок. А был тогда день субботний, именно 1 июля, и покойный сам служил литургию в храме Рождества Пречистой Девы Богородицы в другом своем монастыре.

Когда он, находясь у престола, заметил в церкви, как раз во время пения «Иже Херувимы», шляхту, за ним пришедшую, — сильно встревожился, как бы впал в забытие и стоял долго, ничего не совершая, так что можно было пропеть Херувимскую песнь в другой раз. Потом оправился, опять начал служить и всю литургию окончил чинно. А по окончании обедни выслушал от шляхты, что она пришла за ним, и немедленно, никуда не заходя из церкви, взявши с собой другого брата, пошел в замок. Там, став перед панами судьями, начал сперва громко говорить им и с почетом к судьям привел то, что святой апостол Павел был перед царем Агриппой и считал себя счастливым, так как знал, как ему защищаться (Деян. 26, 1–2). Но паны судьи отнеслись с презрением к речи покойного игумена и, не слушая больше, приказали доносчику, названному пану Шумскому, начать докладывать дело против него о посылке каких-то листов и пороку казакам. А отец игумен отвечает на это: «Милостивые паны! Это клевета и ложный вымысел, будто я посылал листы или порох казакам. Ведь вы имеете немало дозорщиков, пошлите за ними, и пусть они покажут, если я когда-нибудь и куда-нибудь отправлял порох. Что касается листов, то пусть ябедник приведет какое-нибудь доказательство, что я посылал их, как он клеветает». Тогда немедленно послали доносчика Шумского и других при нем, чтобы перерыли наш

монастырь и отыскиали порох и листы. А когда ничего не нашли там и уже уходили назад, доносчик отрыгнул злобу свою и сказал гайдукам: «Что же вы не подкинули какого-нибудь мешочка с порохом и не донесли, что нашли тут у монахов».

Увидали затем и сами паны судьи, что не было никаких доказательств вины игумена, а одна только пустая молва, вернее клевета, и успокоились. Но стали допрашивать о другом предмете и сказали: «Но ведь ты унию святую бесчестил и проклинал?» Положивши на себя знамение креста Господня, покойный отец игумен в ответ на это произнес: «Ужели, милостивые паны, вы за то велели мене явиться к вам, что я бесчестил и проклинал вашу унию? Что я говорил на сейме в Варшаве перед его милостью королем Владиславом IV, господином своим яснейшим, и перед пресветлым его сенатом, что всюду провозглашал по воле Божией, то утверждаю и теперь пред вами: проклята ваша теперешняя уния, и ведайте по сущей правде, что если ее не истребите в своем государстве и Православной Восточной Церкви не умирите, навлечете на себя гнев Божий». А сказал это громким голосом, чтобы и те, кто был поодаль, могли хорошо слышать. Сейчас же на эти слова некоторые крикнули: «Казнить, четвертовать, посадить на кол такого схизматика!» И уже начали было его толкать от одного к другому и рвать во все стороны. Но паны судьи велели всем на время из избы выйти и, потолковав между собой, говорят отцу игумену: «Ты заслужил, чтобы тебя сейчас же предать позорной смерти (и она не минет тебя). А теперь мы приказываем взять тебя в темницу, пока не получим какого-либо указания из Варшавы».

Тогда отпустили брата, с ним бывшего, а его отдали в тюрьму при арсенале в замке Брестском от Рождества Христова в год 1648, июля первого. Несколько дней спустя приказали наложить оковы на ноги его, и так он просидел в темнице до 5 сентября того же года. В это время покойный (т. е. св. Афанасий) несколько раз посылал из тюрьмы некоего брата к панам судьям, прося, чтобы сделали для него одно из двух: или приказали снять кандалы, или выпустили из арсенала, а в оковах он обещал ходить сколько им угодно. Он задумал это, как сам объяснил нам, чтобы свидетельствовать перед ними и вразумлять, не отступят ли от своей давней и упорной привязанности к униии. «Ибо, – говорил он, – если поступят со мною столь мягко, что освободят или из оков, или из тюрьмы, то снесут и мои речи против униии; если же не захотят позволить этой малейшей вещи, очевидно, не допустят большей и будут крепко стоять за унию. А затем, – пояснил он, – мы никак уже не можем надеяться на покой, который, как известно, отнят у нас в этом государстве во имя униии и с целью лишить Восточную Церковь, мать нашу, ее прав». Поэтому он, когда увидел, что не желают позволить ему ни того, ни другого, смело начал возглашать: «Не покинет государства этого меч и война, пока не сокрушат выню униии; благочестие, даст Бог, опять скоро зацветет, ей, ей, зацветет, а уния быстро погибнет». И часто бывало так, что он, когда заметит из арсенала шляхтичей, говорит им через окно такие речи.

Однажды пришел к отцу игумену тот брат, который ходил с ним к панам на суд, и говорит ему: «Не хотели вас паны избавить ни от оков, ни от тюрьмы, а ведь война с казаками улегается». За тем братом пришла и шляхта слушать, что отец игумен ответит на его слова, а он тотчас при всех произнес: «Не уляжется война, ибо не хотят из государства изгнать униии». Шляхта, услышав это, закричала: «Ах, какой схизматик!»

Раз в присутствии князя и епископа, которых здесь не называем, приказали паны судьи привести к себе покойного в оковах, и спросил его епископ, действительно ли он проклинал унию. Покойный сознался перед ним, говоря: «Действительно, она проклятая». А тот, не желая его больше слушать, ответил: «Скоро ты увидишь язык свой перед собою в руках палача». И приказал его отвести опять и посадить в тюрьму.

Когда миновал четвертый день сентября 1648 г. и наступила ночь пятого числа, взяли покойного отца игумена из темницы и, расковав кандалы, проводили в обоз (подвижной укрепленный лагерь). Говорят, что перед отправлением его в обоз иезуиты, знавшие об осуждении его на смерть, ночью приходили к нему в темницу и, как привыкли поступать всегда, сперва словами и обещаниями старались отвратить его от православной веры, а потом страшили огненными муками. Но, милостью Божией ничего не успев, сами ушли

вспять, а одного ученика своего послали к нему, побуждая, чтобы передумал и не губил себя. Но на это он велел ответить так: «Пусть иезуиты знают, что как им приятно пребывать в прелестях мира сего, так мне приятно пойти теперь на смерть».

Что потом в обозе творили с ним, об этом ходят между многими людьми такие рассказы. Когда его ночью препроводили в обоз и хотели отдать бывшему там воеводе берестейскому, пан воевода не желал его брать к себе и сказал: «Для чего вы привели его ко мне? Он уже в ваших руках; делайте же с ним, что хотите».

Когда же, таким образом, начальник выдал его, его взяли к себе те, которые давно жаждали его крови (иезуиты и их помощники униаты), и отвели в лесок, бывший недалеко от обоза, а от места (т. е. города Бреста) в четверти мили, в левой стороне по направлению к селу Гершенович. Там его сперва припекали огнем, а один гайдук стоял тогда поодаль и слышал голос покойного отца игумена, как он им что-то грозно отвечал во время мучений. Потом вдруг закричали на того гайдука и велели ему зарядить ружье двумя пулями и в то же время приказали перед ним приготовить яму. Сначала требовали от покойного, чтобы он отрекся от своих слов об унии, но он ответил: «Что сказал, сказал, и с тем умру». Тогда велели гайдуку выстрелить ему в лоб из ружья. Гайдук, видя, что он духовный и знакомый ему, не торопился, но сперва испросил у него прощение и благословение, а потом выстрелил в лоб и убил.

Покойный, уже простреленный двумя пулями в лоб навывлет, еще стоял некоторое время, опершись о сосну как бы своей силой, так что его велели сбросить в приготовленную яму. Но и там он сам обернулся лицом к небу, сложил крестом руки на персях и протянул ноги; потом и нашли его так лежащим в названном месте. В ту ночь, когда замучили покойного, великий трепет напал на нас и на всех мещан от этих дел, и, хотя ночь была ясная и не виделось облака даже в аршин величиной, молния была ужасная и разливалась по всему небу. И так лежал покойный, неведомо для нас, без погребения от 5 сентября до 1 мая, в течение восьми месяцев. Мы знали, что его уже нет на свете, но не ведали, где его тело, пока один мальчик, лет семи или восьми, не указал нам место, где оно было зарыто. Мы сперва желали увериться, подлинно ли это он или кто другой, потому что его могли оттуда тайно перевезти на другое место (земля, на котором лежало тело его, принадлежала иезуитам). Поэтому, дождавшись ночи, откопали его и, узнавши, что это подлинно он, немедленно перенесли его в другое место. При теле его не нашли ничего из вещей, кроме одной рубашки – и то изорванной – и одного сапога. На другой день с позволения полковника брестского перевезли игумена в монастырь Рождества Пречистой Богородицы, а несколько дней спустя (8 мая), совершив отпевание по чину церковному, похоронили его в склепике на правом клиросе в храме прп. Симеона Столпника. Там и до сих пор тело его находится без истления.

Знаки муки и смерти на теле его следующие: под пахами с обеих сторон кости голые, впрочем тела по местам немного осталось, но и то от огня очень почернело; во главе три отверстия: два близ уха с левой стороны, в величину ружейной пули, а третье – с правой стороны за ухом, гораздо больше, нежели первые два, лицо у него все почернело от пороха и крови, язык из рта несколько вышел и усох промеж зубов: думаем, что его похоронили еще живого и это сделалось с ним от великой тяготы смертной. Бог благодатью Своею да утвердит и нас в благочестии и да пошлет терпение ради имени его святого».

Преподобный Афанасий был местно признан святым весьма скоро после своей кончины, в 1658 г., 5 января. Иннокентий Гизель, архимандрит Киево-Печерский, с Иосифом Нелюбович-Тукальским (с 1664 г. митрополит Киевский) в письме к царю Алексею Михайловичу говорят, что тело Афанасия «откровенно бывши, и доселе, дивну Богу во святых Своих, в Бресте пребывает нетленно». В 1666 г. в Бресте было составлено на польском языке житие, в котором Афанасий называется «святым и преподобномучеником». Мощи его покоились сначала в медной раке, но 1816 г., 8 ноября, сгорели вместе с деревянной церковью св. Симеона Столпника; остались лишь обожженные частицы, которые в присутствии молящихся были уложены на оловянном блюде и

помещены в Благовещенской церкви монастыря. В 1823 г. для частиц мощей была устроена рака и они поставлены открыто для всенародного чествования. В 1824 г. монастырь был упразднен, его церковь обращена в приходскую и святые мощи помещались в крепостном Николаевском соборе; по сооружении же в городе Симеоновского каменного собора в 1865 г. сюда были перенесены останки преподобного, где и пребывали.

Память св. Афанасия, как мученика за веру, на Юго-Западе Руси была настолько живуча и сильна, что не нуждалась ни в каких внешних уверениях и свидетельствах. Поэтому до нас не сохранилось записей его чудес вплоть до середины XIX века. Под 14 ноября 1856 г. в местных записях отмечается следующее знамение Божие от мощей св. Афанасия. Помещик Владимирской губернии Николай Александрович Поливанов, возвращаясь из-за границы, должен был задержаться в Бресте вследствие тяжелой болезни десятилетнего сына Александра. Болезнь развивалась быстро и не оставалось никаких надежд на выздоровление отрока. Пригласив местного священника для напутствия сына Святыми Тайнами, отец стал горько скорбеть, что здесь нет святых, как в центре России, чтобы можно было прибегнуть к ней с горячей мольбой об исцелении ребенка. Священник ему сказал, что в Бресте имеется святая – мощи прп. Афанасия, и Поливанов стал просить привезти ковчег с мощами, отправить при больном молебствие и приложить его к ним. Благочестивое желание отца было исполнено, и как только ковчег с частицами мощей прикоснулся к Александру, страдания болящего тотчас же прекратились и он, вопреки ожиданиям врачей, вскоре совершенно выздоровел. 15 августа 1857 г. благодарный отец прислал в Брест серебряную с позолотой раку весом тринадцать с половиной фунтов, в которую и были торжественно переложены мощи св. Афанасия.

Под 14 мая 1860 г. записано следующее чудо от святых останков преподобного. Местный протоиерей Василий Соловьевич страдал грыжей, так что у него стали выходить наружу внутренности; доктора советовали больному сделать довольно тяжелую операцию, но он не согласился и стал готовиться к смерти; исповедавшись, он пожелал перед приобщением Святых Таин отслужить молебен св. Афанасию, которого он весьма почитал; во время молебна внутренности его вошли на свое место; больной, к полному удивлению врачей, совершенно оправился и не испытывал больше приступов боли.

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

Тропарь преподобномученика Афанасия Брестского, глас 2

Блажен еси, отче наш Афанасие,/ яко верно пожил еси, стоя бодренно за святую Православную веру,/ со умилением присно поя неседальное Пречистей,/ заповедую никому не нарушати Православныя веры святых,/ пострадав за свидетельство истины даже до смерти./ Мы же, чтущие святую твою,/ со дерзновением взываем ти:/ отче наш, преподобномучениче Афанасие,/ похвало и украшение наше.

Кондак преподобномученика Афанасия Брестского, глас 4

Монашескаго жития украшение и мучеников красоту явил себе житием твоим, Афанасие, и яко солнце пресветлое людям православным возсиял еси. Темже и Христос даром чудес обогати тя; да чтущие пресветлую память твою, зовем ти: поминай стадо твое молитвами твоими, преподобне.

Ин кондак преподобномученика Афанасия Брестского, глас 2

Яко постника благочестна и искусна,/ и страдальца произволением честна,/ и пустыни жителя сообразна,/ в песнях достойно хвалим Афанасия приснохвальнаго,/ той бо змия попрах есть.